

Наталья Владимировна Панкевич

Институт философии и права УрО РАН

Екатеринбург, Россия

e-mail: n.pankevich@yandex.ru

ПОЛИТИКА ЦЕННОСТЕЙ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СУВЕРЕНИТЕТ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИЕТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ¹

Аннотация: Геополитическая конкуренция в большом пространстве евроазиатского континента приобретает сегодня характер ценностного противостояния. Рассмотрены три возможности ценностных стратегий государств: оградительная, экспансионистская, инклюзивная. Показано, что сегодня для РФ открывается возможность осуществлять ценностные стратегии в отношении стран постсоветского пространства с опорой на глубинные ценности социального большинства.

Ключевые слова: политика ценностей, государственный суверенитет, социетальная безопасность, идентичность, постсоветское пространство, Восточная Европа, Европейский Союз, Российская Федерация.

Процессы геополитической конкуренции в большом континууме евразийского континента характеризуются сегодня чрезвычайной интенсивностью и многоаспектностью. В этом смысле трудно представить себе более динамичный, конкурентный и многоакторный регион, чем постсоветское пространство. Страны региона испытывают существенное давление противоположно направленных векторов: получив возможность

¹ Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

самостоятельного государственного строительства в 1990-х в случае бывших республик СССР, или политическую автономию в случае постсоциалистических стран, они практически мгновенно стали важнейшей мишенью нескольких крупных разнонаправленных интеграционных процессов, целью которых является становление нового формата всей совокупности общественных, политических, экономических отношений в регионе. Расширение в 1990-х гг. Европейского Союза на восточноевропейскую периферию привело к тому, что бывшие социалистические страны и советские республики были с разной степенью глубины вовлечены в орбиту влияния данного объединения. Китайский интеграционный проект «Один пояс – один путь» также преследует цель комплексной трансформации континента не только в экономико-логистическом, но и политическом, и идейном смысле. Крупным центром интеграционных процессов сегодня является Российская Федерация, которая также формирует собственное видение структурирования мирового пространства и своего места в нем.

В рамках этой конкуренции все более очевидную и системообразующую роль приобретает гуманитарное измерение внешней политики государств-участников: конкурентное преимущество начинает измеряться их способностью ценностно фундировать свои стратегии, создавая необходимые нормативные ожидания относительно будущих исходов трансформационных процессов, закрепления и легитимации их результатов. В регионе формируется специфическое конкурентное поле, где продвижение политических ценностей, их проекция во внешние пространства становится фактором обеспечения престижа и достижения должного статуса, условием сотрудничества и кооперации или, напротив, оппозиции.

Возможности управленческого действия в данном поле определяются сегодня диалектикой двух крупнейших нормативных комплексов, которые в совокупности формируют стандарт представлений об идентичности международного сообщества, государств, его составляющих, социумов под эгидой государств. Одну сторону данного процесса необходимо составляет

представление о замкнутости внутреннего пространства суверенного государства. Специфическим последствием такого пространственного определения является то, что все ключевые регуляторы общественных отношений, включая право, культуру, ценности производятся в рамках государства эндогенно и являются уникальной аксиологической системой, отражающей особость каждого человеческого коллектива. Организационная связка суверенитета и идентичности становится, таким образом, оплотом социетальной безопасности человеческих коллективностей (Theiler, 2010: 105-114) как их способности к воспроизводству языка, культуры, традиции, религии, принципов солидарности и консенсуса.

Указанный процесс имеет оборотную сторону. Современный норматив международной системы наряду с суверенностью предполагает включенность государства в сообщество, функционирующее в системе международного права. Поэтому помимо опоры на уникальность собственного ценностного строя, национальное или цивилизационное своеобразие, государству необходима встроенность в смысловой ряд универсальных ценностей - условие его легитимности уже в качестве участника мирового сообщества. Ценностный ряд данного уровня уже не имеет столь очевидной привязки ни к территориальному домену, ни к историческому пути и единству политического сообщества, которое организовано в рамках государства. Возникающие в этом процессе универсальные ценностные комплексы не ограничиваются лишь координацией межгосударственных интересов и отношений в рамках содружеств государств. Они предназначены для обеспечения действенности норм, которые усредняются таким образом, что «невозможно однозначно характеризовать их как местные, или как глобальные» (Koh, 2002: 328).

Оба тренда имеют принципиальное значение и для развития и реализации ценностного влияния во внешних пространствах, и для успешного противостояния нормативному и ценностному экспорту со стороны внешних акторов, который зачастую приобретает характер нежелательных вторжений. В наиболее опасной форме такие интервенции могут реализоваться в качестве

деструктивной идеологии. Эффективность деятельности правительственных центров на этом поприще напрямую зависит от их способности оперативно переключаться между политическими ценностями этих двух рядов. Первый оказывается связан с возможностью осуществлять исторический суверенитет, опорой на традицию, уникальность и сингулярность политической культуры сообщества. Второй - со способностью не только быть конформным участником сообщества, но и иметь возможность эффективно действовать в ценностном поле, предлагая собственные интерпретации универсальных ценностей. Способность к продвижению ценностей становится сегодня одним из важнейших компонентов суверенитета государства и залогом его конкурентоспособности в реализации внешнеполитических стратегий.

Представляется, что данное организационное поле представляет собой площадку, где возможна реализация государствами трех базовых стратегий. Оградительная стратегия предполагает в основном реализацию защитных мер, противодействие ценностным вторжениям. Вторая системная возможность – политический ценностный экспансионизм, целью которого становится идейная и институциональная субординация других стран. Именно такой формат геополитической конкуренции поддерживают сегодня наиболее крупные центры интеграционных процессов на континенте. Наконец, возможна включающая стратегия продвижения ценностей, рассчитанная на диалог, поиск общих оснований и взаимная адаптация ценностных рядов.

Ситуация на постсоветском пространстве обладает выраженной спецификой и дает возможность рассмотреть все системные возможности. Конфликт между ориентациями на национальные и денационализированные ценностные ряды приобретает здесь особо острое течение и в целом ряде ситуаций обнаруживает их малую совместимость. В ряде крупных интеграционных проектов также обнаруживается повреждающий характер ценностных интервенций и ценностного предпринимательства со стороны центров, претендующих на доминирование.

Так, интеграционная политика Европейского Союза прямо предполагает

строительство отношений и со странами-членами ЕС из состава восточной периферии, и с кандидатами на вступление, и с ассоциированными государствами с позиций ценностного регулирования. Соответствие политических решений и практических шагов этих государств всей совокупности европейских ценностей при всей их бинарности и внутренней противоречивости, на которую часто указывают исследователи (Todorov, Anzalone, 2005/2006: 16-22), рассматривается в качестве метрики адаптации стран к европейскому проекту в целом. Ценностная кондициональность, обусловленность решений о предоставлении кредитных линий, инфраструктурной помощи, доступа граждан стран периферии в отдельные сектора рынка труда в странах ЕС становится ключевым инструментом экономической политики Союза.

Сложившаяся ситуация требует от стран постсоветского пространства особых, крайне ресурсоемких, институциональных адаптаций. Страны региона вынуждены создавать особую защитную периферию, предназначенную для коммуникации с внешним миром в ценностном формате, который кодирует интеграционный центр, с целью в полной мере сохранить традиционный уклад жизни в сердцевине политического организма (Бляхер, 2008). Ситуация ведет к обострению проблемы двойной лояльности правительственных центров. Напряженность между верностью сообществу, идентичность и ценности которого они должны охранять в рамках конституционно закрепленного общественного договора, и лояльностью ЕС как новому властному центру постоянно нарастает. Причем возможность оперативного переключения между этими двумя функциями в значительной мере заблокирована независимо от глубины интеграции в состав европейского проекта. Возможно даже говорить о своеобразном эффекте обратной пропорциональности: чем ниже степень интеграции, тем большее давление в области ценностного строя испытывает страновое сообщество. Европейский проект прямо предписывает крупный объем реформ в области права и институционального устройства даже без предоставления перспективы полноценного членства в союзе и

сопутствующего доступа к правовой и судебной процедуре в его рамках.

Отметим отдельно, что реальное обращение к ресурсам идентичности, принятие политических решений, законодательная деятельность, направленная на защиту основных ценностных комплексов, ведет к прямым содержательным столкновениям национальных правительств с ЕС. При этом если постсоциалистические страны-члены ЕС и обладают доступом к основным механизмам политической коммуникации, то возможности ассоциированных постсоветских государств к самостоятельному ценностному регулированию ограничены в еще большей мере. «Соглашения об Ассоциации»¹ ЕС с бывшими советскими республиками обнаруживают предпринимательский характер европейской политики в продвижении своих ценностей в периферийных государствах. Причем эта функция в области внешней политики прямо вменяется ЕС в рамках учреждающих договоров². Контрдействия национальных правительств лимитированы институционально за счет трансфера компетенции разрешения конфликтов в европейские органы правосудия. Экономически данная конструкция стабилизируется зависимостью от европейских кредитов и программ инфраструктурного развития.

Внедрение ценностной кондициональности в коммуникацию со странами периферии обеспечивает, таким образом, ЕС беспрецедентно эффективным инструментарием принуждения и дисциплинирования правительств и должностных лиц ассоциированных государств (Pankevich, 2019: 261-262). Однако именно эта предпринимательская позиция в отношении массивного экспорта и внедрения европейских ценностей в социальные контексты и политические практики оказывается сегодня чрезвычайно проблематичной.

Следует отметить, что в рамках европейского проекта субординация

¹ См. напр., ASSOCIATION AGREEMENT between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part. Official Journal of the European Union 29.5.2014, L 161/3.

² Treaty on European Union, 2007. Art. 3(5), 8, 21. Current consolidated version: 01.03.2020 // Official Journal of the European Union. 2020/C 202/1.

правительственных центров ассоциированных постсоветских государств в целом состоялась. Но это отнюдь не ведет автоматически к конформности глубинных структур идентичности сообществ, ориентированных на ценности в их страновых трактовках. Причиной этому становится тот факт, что европейские ценности рыночной демократии предназначены для адаптации к функционированию в условиях интеграционных объединений главным образом политических и экономических структур вовлеченных стран. А это предопределяет их заведомо низкую проникающую и индоктринирующую способность, если рассматривать глубинные структуры общественного единства.

Ключевым моментом, лимитирующим успех стратегии, становится переход от ценностного предпринимательства в зоне защитной периферии (т.е. коммуникации с проевропейски ориентированными правительственными структурами и экономическими элитами) к воздействию на становые структуры идентичности сообщества. Здесь возникает потенциал сопротивления и отрицания подобной политики.

Содержательная эволюция ценностной структуры ЕС сегодня во многом оказывается неожиданной и неприемлемой, в том числе для «старших» стран-членов Союза. Оппозиция индивидуалистическим трактовкам права на жизнь, человеческого достоинства, социальной репрезентации поведения, которое традиционно считается нежелательным и неприемлемым, в качестве новой социальной нормы (европейская политика в отношении меньшинств) становится все более зримой не только в странах из числа постсоветских, но и странах западного ядра (Италии, Испании, Греции). Чрезвычайно активное сопротивление европеизации фундаментальных ценностей в их традиционных для страны трактовках имеет длительную историю в Польше и Венгрии (Панкевич, 2021). Здесь правительственное действие приобретает характер оградительных конституционных реформ, направленных на защиту первичных, в прямом смысле витальных, ценностей сообщества.

Ассоциированные постсоветские государства оказываются еще более

уязвимыми, поскольку собственные граждане и внешние властные центры предлагают коренным образом различные ориентиры правительственных действий. Бессилие властей в принятии определенного ценностного ориентира и недостаток смелости следовать заявленной позиции ведет к заведомо проигрышным сценариям для легитимности правительственных режимов.

Сохранение ценностной идентичности в ее полноте остается, таким образом, принципиально важным приоритетом странового сообщества, и атака на нее мгновенно актуализирует требования, связанные с государственным суверенитетом как основой социетальной безопасности. Причем если продвигаемые внешним властным центром ценности распознаются как чуждые, иностранные, враждебные и захватнические, подобная интервенция мгновенно дискредитирует и интеграционные правительственные стратегии.

В этом смысле для Российской Федерации открывается широкое поле ценностного действия в принципиально ином формате, имеющее в фокусе население постсоветских и постсоциалистических стран, минуя коммуникации с ориентированными на внешние центры нормирования и субординированными властными аппаратами. Это стратегия инклюзивности и поиска общности на глубинном, фактически дополитическом уровне, который исключает приоритет политической конъюнктуры и ситуативных интересов властных элит и ценностных предпринимателей. Данная политика предполагает масштабную работу по воссозданию единого коммуникационного пространства, ориентированного на ценности социального большинства страновых социумов (Интеллектуальные трансформации, 2008: 128-141).

На постсоветском пространстве существует очевидная общность глубинных смыслов и кодов, характерных для социального большинства данных стран, связанных с пониманием человека не в качестве индивидуализированного и вырванного из социального контекста субъекта, но в совокупности его отношений с семьей, народом, транспоколенческим единством, общей историей и опытом. Это ценностное поле связывает народы

стран Восточной Европы, о чем справедливо говорит Президент РФ¹, и создает сеть мощных принуждений для страновых элит «снизу». Сегодня РФ имеет все шансы стать действенным источником морального нормирования, предлагая собственные, более соответствующие культурным кодам и идентичности народов постсоветских стран трактовки ценностных рядов.

Библиографический список

1. *Бляхер Л.* Архаические механизмы легитимации // *Полития*. 2008. № 3. С. 7-29. DOI: 10.30570/2078-5089-2008-50-3-7-29.
2. *Интеллектуальные трансформации: феномены и тренды.* Новосибирск: Параллель, 2008.- 167 с.
3. *Панкевич Н.В.* Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23. № 4. С. 630–647. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647.
4. *Koh H.* Opening Remarks: Transnational Legal Processes Illuminated. In: Likosky M. (ed.) *Transnational legal Processes: Global and Power Disparities*. London: Butterworth, 2002, pp. 327-332.
5. *Pankevich N.* Eastern Neighbourhood of the EU: Alternatives for Integrative Projects Partnership. In: Kurzynsky-Singer E. / Kulms R. (eds.) *Ukrainian Private Law and the European Area of Justice*, Mohr Siebeck, 2019, pp. 255-284.
6. *Theiler T.* Societal security. In Caveltly M. D. & Mauer V. (eds.), *The Routledge Handbook of Security Studies* London: Routledge, 2010, pp. 105–114.
7. *Todorov T., Anzalone J.* European Values. *Salmagundi*, 2005/2006, No. 148/149, pp. 16-22.

¹ Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения 21.04.2024).

Natalia V. Pankevich

Institute of Philosophy and Law UBRAS,

Ekaterinburg, Russian Federation

e-mail: n.pankevich@yandex.ru

**THE POLITICS OF VALUES IN THE POST-SOVIET SPACE:
SOVEREIGNTY, IDENTITY AND SOCIAL SECURITY**

Abstract: Geopolitical competition in a large area of the Eurasian continent acquires today the character of a value confrontation. Three possibilities of value strategies of states are considered: protective, expansionist, inclusive. It is shown that today the opportunity opens up for the Russian Federation to implement value strategies based on the deep values of the social majority within the post-Soviet space.

Keywords: politics of values, state sovereignty, societal security, identity, post-Soviet space, Eastern Europe, European Union.